

В.Я. Шумкин

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.001

УДК 903/904(48)

Проблема установления контактов древнего населения Арктической Евразии (Сибирь – Фенноскандия) по археологическим, антропологическим и палеогенетическим данным*

Научная новизна. Впервые вводятся в научный оборот данные по антропологическому и генетическому исследованию взаимно дополняемых материалов археологических, антропологических и палеогенетических источников.

Целью исследования является реконструкция культурных и хозяйственных связей древнего населения на основе анализа всех имеющихся материалов. Для выполнения поставленной цели следует изучить старые и систематизировать новые данные современной археологии, антропологии и биологии. Необходимы публикации новых материалов, полученных в ходе проведения исследований Кольской экспедиции (КолАЭ) ИИМК РАН за последние годы, и рассмотрение исторического фона становления, развития арктической археологии и достижения ее создателей, благодаря усилиям которых современная наука, продолжая вектор предшественников, в традиционном содружестве с представителями естественно-научных дисциплин выходит на новый уровень.

Методы исследования. При полевых работах и составлении научной отчетной документации применялись самые современные методики: ведение обмеров и фиксации находок, структур и комплексов *in situ* строго по слоям электронными тахеометрами в трехмерной системе координат Пулково-42 и Балтийской системе высот. Проводилась постоянная фотофиксация всего процесса раскопок цифровыми камерами с максимальным разрешением. Все сложные анализы и обработка образцов выполнялись в Санкт-Петербурге в лабораториях ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, РГПУ. Установление возраста и культурной принадлежности выявленного материала производилось на основе сравнительно-типологического сопоставления с уже известными находками по технико-типологическим характеристикам и с помощью методов естественных наук. Совместная, начиная с раскопок, работа с антропологами и биологами позволила получить качественные источники и обеспечить корректную атрибуцию археологического материала, что способствовало успеху разработок по краниологии и палеодНК. В процессе комплекса полевых, кабинетных и лабораторных исследований получены качественно новые интегрированные данные по истории древнего населения Арктики.

*Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012)

Результаты. После длительных исследований нескольких поколений отечественных и зарубежных археологов установлено, что Арктическая Европа (Северная Фенноскандия, включающая северные территории Норвегии, Швеции, Финляндии и Кольский полуостров России) были впервые заселены не позднее 10 тысяч лет тому назад (мезолит) с юго-запада наследниками аренбургской позднепалеолитической археологической культуры, первоначально проникшими на юг шведского полуострова Сконе и далее продвигавшимися к северу вдоль кромки западного побережья, уже освободившегося от ледника благодаря Гольфстриму. Постулируемое ранее использование на этом пути водных транспортных средств небольшими сообществами (культура комса), основанное на очень раннем заселении далеко отстоящих от материка островов, да еще и в незамерзающих водах северных морей, получило недавно фактическое подтверждение находкой на скалах в Северной Норвегии изображения крупной лодки для передвижения по морю, датированной около 10 тыс. лет назад. Предположительно была и некоторая инфильтрация с Европейского юго-востока наследниками бутовской археологической культуры. В неолитическую эпоху (6,5–4 тыс. лет назад) развитие местных популяций, получивших название «лапландская археологическая культура», имевших, судя по месту первоначальной дислокации, европеоидный генотип, происходило относительно изолированно, с освоением приморской адаптационной модели, превратившей их к концу этого периода в специализированных охотников на морского зверя. При раскопках Кольского Оленеостровского могильника (3,5 тыс. лет назад) с применением новых методов анализа выяснилось, что антропологические и генетические особенности (ДНК) погребенных не находят прямых аналогий с представителями современного населения Северной Фенноскандии, кардинально отличаются по характеристикам как от неолитических лапландцев, так и от саамских групп, и, следовательно, древние оленеостровцы не могут быть ни потомками первых, ни предками вторых, проявляя при этом тенденцию к сближению с представителями так называемой «уральской расы», проживающими сейчас на севере Западной Сибири.

Ключевые слова: археологические культуры: аренбургская, бутовская, комса, лапландская, ымыяхтахская; оленеостровцы, «уральская раса»

*Но Запада нет и Востока нет, нет наций, родов и преград,
Когда двое сильных и смелых мужчин друг другу в глаза глядят.*
(Джозеф Редьярд Киплинг. Перевод К. Филатова)

1. Введение. Нельзя сказать, что российской арктической археологии совсем не повезло. Ведь еще почти за 100 лет до открытия знаменитого комплекса (около 30 стоянок) каменного века Костёнки (1879 г., И.С. Павлов) молодой русский флотоводец Гавриил Андреевич Сарычев (1763–1831) уже в 1787 г. предпринимал раскопки земляных жилищ на омываемом Восточно-Сибирским морем мысе Баранов Камень (ныне мыс Большой Баранов). Вот как он сам описывал происходящее: «По разрытии земли в середине нашли кости тюленьи и оленье, также много черепьев от разбитых глиняных горшков и два каменных треугольных ножа наподобие геометрического сектора: сторона, которая дугою – острая, две другие – прямые и толстые». [Сарычев, 1802: 95–96]. Таким образом, Г.А. Сарычев, помимо большого вклада в океанологию, мерзлотоведение, мамонтоведение и этногра-

фию, также положил начало полярной археологии [Хлобыстин, 1990: 3]. Потом в силу разных обстоятельств если археологическое изучение южных территорий развивалось сравнительно успешно, то арктические земли России оставались в некотором историческом забвении.

Между тем изучение древностей в скандинавских странах началось еще в XVII в. с учреждения в Швеции Коллегии античности. Деятельность этого органа заключалась в основном в собирании и коллекционировании отдельных вещей и раритетов в виде отдельных находок, как правило, в процессе производства земляных работ. Но это происходило в основном на юге Скандинавии и касалось древностей эпохи викингов, а север оставался археологически практически нетронутым. Положительные изменения в исследовании археологии севера Скандинавии начались в 1925 г. по инициативе извест-

ного археолога А. Бруггера хранителем Национального музея города Осло А. Нуммедалем. Его изыскания в Финмаркене (северная Норвегия) оказались очень успешными, а основные их результаты были опубликованы в отдельной монографии [Nummedal, 1929]. Выход в свет этой работы вызвал большой интерес среди археологов и геологов, так как ее данные и выводы во многом меняли сложившиеся представления о позднем заселении человеком Крайнего Севера Европы. Кульминационным моментом многочисленных обсуждений и споров явилось отнесение А. Нуммедалем некоторых стоянок на основании их высотного расположения на древних морских террасах и грубости форм археологического материала к арктическому палеолиту и датировка их концом плейстоцена. Работы, начатые А. Нуммедалем, были вскоре продолжены на территории соседних стран.

За почти сто последующих лет были подвергнуты археологическому обследованию практически все арктические провинции Норвегии, Швеции и Финляндии: раскопаны и изучены сотни древних поселений, стоянок, селищ, курганов, мест добычи сырья, грунтовых могильников, культовых мест, относящихся к разным эпохам, начиная от памятников каменного века до Средневековья. На основании полученных данных за этот период были опубликованы сотни монографий и тысячи статей, освещающих под разными углами зрения древнюю историю населения западной части Северной Фенноскандии. Некоторые из этих публикаций имеют сейчас лишь историографический интерес, другие же не потеряли своего значения по сей день.

Положение с археологией в российской части Северной Фенноскандии было не лучшим. Хотя еще в 1844 г. академик К. Бэр указывал [Baer, 1844: 70–79] на нахождение лабиринтов в бухте Виловой и в устье р. Поной (восточное побережье Кольского полуострова), а в 1904 г. знаменитый археолог А.А. Спицын посвятил этим памятникам статью в выпуске «Известий Императорской археологической комиссии», в которой дал полный список известных к тому времени лабиринтов и предпринял попытку их интерпретации и датировки с привлечением широких аналогий [Спицын, 1904: 101–112].

Но далее лабиринтов археологическое дело не пошло. Были сборы отдельных артефактов,

упоминание некоторых скандинавских исследований, собрание материалов для этнографических выставок... и только. Но вот в этой разреженной гуманитарной (а тем более – в археологической) атмосфере, где обитали такие лжеученые, как пресловутый эзотерик и оккультист, поклонник телепатии А.В. Барченко, появилась вдруг замечательная личность, сыгравшая значительную роль в изучении первобытной истории края. Энциклопедически образованный, уже успевший проявить себя как опытный археолог, известный востоковед и финно-угровед Алексей Викторович Шмидт в 1928 г. возглавил Антрополого-этнографический отряд Кольской экспедиции АН СССР, созданный для полевых исследований могильника, расположенного на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Выбор руководителя работ и объекта исследования, безусловно, превзошел все ожидания. Небольшой отряд (А.В. Шмидт, М.И. и А.В. Хвостовы, А.С. Юневич) в тяжелых климатических условиях заполярного июня провел раскопки на самом современном для того времени научном уровне. Через год методично, комплексно, с привлечением антрополога, палеоботаника и палеозоолога (С.Д. Синицын, А.Ф. Гаммерман, В.И. Громова) все материалы были обработаны и опубликованы [Шмидт, 1930: 119–169]. Это стало событием в изучении древней истории всей Лапландии. После этого ученый больше не возвращался в Мурманский край. Алексей Викторович Шмидт был арестован в 1933 г. по «академическому делу», инициированному ОГПУ против ученых, и умер во время следствия 28 апреля 1935 года [Формозов, 2006]. Оставив глубокий след своими, пусть однолетними, исследованиями Мурманна, Алексей Викторович Шмидт заслуженно по своему вкладу признается основоположником Кольской археологии по целому ряду оснований: 1) впервые раскопки были проведены отечественным профессиональным археологом; 2) могильник был первым, единственным (и остается до сих пор таковым) некрополем II тыс. до н.э. в Евразийской Арктической зоне; 3) по достоверному материалу представлен широкий обзор природных условий, состояния растительного и животного мира, многих сторон жизнедеятельности населения того времени и его антропологического облика; 4) привлечен

интерес отечественных и зарубежных исследователей к древней истории северо-западной заполярной территории России; 5) дан образец и вектор полевых исследований, комплексной обработки полученных материалов, по которому Кольская археологическая экспедиция (КАЭ) следует и поныне вот уже более 90 лет.

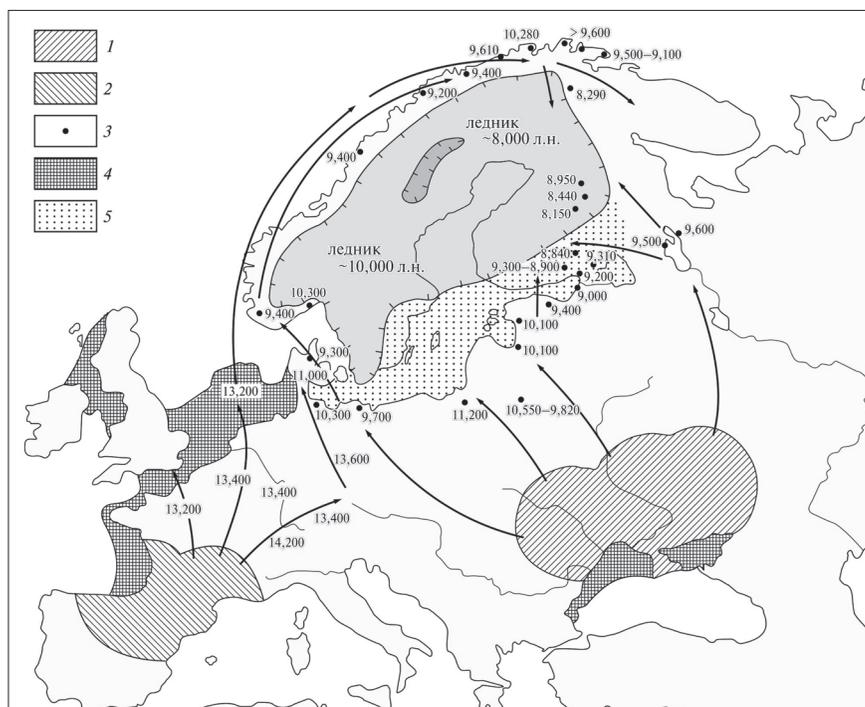
На археологическое изучение Мурманского края повлияли в значительной степени успешные исследования А. Нуммедала. В 1935 г. по поручению Советской секции Международного союза по изучению четвертичного периода (INQUA), Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и по просьбе норвежских и финских исследователей было проведено археологическое обследование полуострова Рыбачий экспедицией под руководством ученика А.А. Спицына, видного геолога и археолога Бориса Федоровича Землякова с целью поисков на полуострове Рыбачий таких же, как в северной Норвегии памятников арктического палеолита. Результатом явилось открытие 12 стоянок арктического палеолита (часть из них впоследствии отнесена к мезолитической культуре комса) и неолита, а также публикация нескольких статей, в которых на основании изучения высотных данных дается относительная хронология памятников полуострова Рыбачий, не потерявшая своего значения до настоящего времени [Земляков, 1940: 107–144]. В наше время, обладая более обширными знаниями и техническими средствами, мы получили и вводим в научный оборот данные по антропологическому и генетическому исследованию, взаимно дополняемые материалами археологических источников, полученных в ходе проведения исследований Кольской экспедиции (КолАЭ) ИИМК РАН за последние годы.

Анализируя реальное развитие исторических знаний и полученные достоверные археологические результаты, необходимо помнить тех подвижников, с героических усилий которых начиналось изучение арктических территорий. В российской европейской части это Карл Эрнст Риттер фон Бэр Эдлер фон Хутхорн (Карл Максимович Бэр), А.А. Спицын, А.Ф. Шмидт, Б.Ф. Земляков, Н.Н. Гурина, В.С. Стоколос, О.В. Овсянников, В.Ф. Старков, А.А. Куратов; в азиатской: Г.А. Сарычев, Я. Санников, А.А. Штукенберг, Н.А.Э. Норденшельд, А.П. Окладни-

ков, В.С. Адрианов, С.И. Руденко, Г.А. Чернов, Н.Н. Диков, Л.П. Хлобыстин, Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева, А.Н. Алексеев. Именно благодаря многолетним плодотворным усилиям этих исследователей современная археология, продолжая вектор предшественников, в традиционном содружестве с представителями естественно-научных дисциплин, выходит на новый практический и теоретический уровень, постепенно переставая быть «историей, вооруженной лопатой».

Теоретическая и практическая значимость. Основываясь на новой серии добытых археологами КолАЭ РАН антропологических материалов, с помощью применения современных кра ниометрических и палеогенетических методов удалось наконец после почти 100-летней дискуссии определить пришлый характер древних оленеостровцев, погребенных в Кольском Оленеостровском могильнике и их полную генетическую обособленность от предшествующего (лапландцы) и последующего (саамы) населения Северной Фенноскандии. Более того, они не получили никаких генетических признаков от первых и не передали свои вторым.

II. Материалы и методы исследования. Полевые работы выполнялись с соблюдением Положения о порядке проведения археологических полевых работ (раскопок и разведок) и составлении научной отчетной документации, утвержденной «Постановлением (№17) Отдела историко-филологических наук РАН» от 17 января 2013 года, но с добавлением самых современных методик: ведение обмеров и фиксации находок, структур и комплексов *in situ* строго по слоям электронными тахеометрами в трехмерной системе координат Пулковско-42 и Балтийской системе высот. Проводилась постоянная фотофиксация всего процесса раскопок цифровыми камерами с максимальным разрешением. Все сложные анализы и обработка образцов выполнялись в Санкт-Петербурге в лабораториях ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, РГПУ. Установление возраста и культурной принадлежности выявленного материала производилось на основе методов сравнительно-типологического сопоставления с уже известными находками и по уровню его технико-типологических характеристик, и методами естественных наук. Совместная, начиная с раскопок, работа с антропологами и биологами позволила

Послеледниковая колонизация Северной Европы [Zvelebil, 2008]

1, 2 – расселение: 1 – из Восточной Европы; 2 – из Юго-Западной Европы; 3 – первые поселения в регионах и их возраст, л.н.; 4 – береговые линии и осушенные участки морского дна в позднеледниковье; 5 – Иольдиевое море

Рис 1. Схема возможных путей освоения Северной Европы (по М. Zvelebil).

получить качественные источники и обеспечить корректную атрибуцию археологического материала, что способствовало успеху разработок по краниологии и в области палеодНК. В процессе комплекса полевых, кабинетных и лабораторных исследований получены качественно новые интегрированные данные по истории древнего населения Арктики.

III. Результаты. За последние полтора-два десятилетия на Европейском Севере и Северо-Востоке были проведены колоссальные по своим объемам и значимости археологические изыскания, которые во многом расширяют, а нередко и обновляют наши знания о древнейшем прошлом населения Евразийской Арктики.

История каждой народности, народа, нации в процессе их возникновения, развития и трансформаций зачастую очень сложна и трудно восстановима. Археология как одно из подразделений исторической науки, изучающей в основном древнейшие (дописьменные) этапы развития человечества, обогащенная современными данными естественнонаучных дисциплин, приобретает приоритетное значение в данных во-

просах. Только она совместно с зависящими от нее (по специфике «добычи» необходимых источников) антропологией и этнографией реально может прояснить истоки и процесс становления древних сообществ. Достижения в этой области знания существенны и пополняются постоянно, практически ежегодно.

Современные данные, обеспеченные исследованиями нескольких поколений скандинавских и отечественных археологов, свидетельствуют, что первые поселенцы проникают в Скандинавию, на полуостров Сконе южной Швеции в самом конце плейстоцена (около 13 тыс. лет назад) с территории северогерманской низменности (рис. 1). Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север вдоль узкой полоски норвежского побережья способствовали ускоренное освобождение этих участков от ледника под действием уже греющего Гольфстрима и использование водного (морского) транспорта, что косвенно подтверждается очень ранним заселением удаленных островов в незамерзающих водах Северного, Норвежского и Баренцева морей [Шумкин,

Рис. 2. Нарисованные красной охрой наскальные изображения (писаницы). Полуостров Рыбачий, р. Пяйве. Местонахождение Галерея. 7–6 тыс. до н.э. Фотография И. Георгиевского

1986: 15–34; Shumkin, 1992: 146–150], а недавно еще и находкой на скалах Эфьорда в округе Нурланд (Северная Норвегия) изображения 4-метрового корпуса лодки, выполненного в древней технике шлифовки контурных линий округлым камнем по поверхности скалы на уровне 70 м над уровнем моря около 10 тыс. лет назад. В этих и других фигурах (контурные крупные изображения медведей, тюленей, семейства оленей) – самых древних в Северной Фенноскандии проявлениях творчества первопоселенцев, выполненных в такой же технике – улавливаются традиции палеолитического пещерного искусства Франко-Кантабрии.

Благодаря всем этим факторам северные первопроходцы уже в бореальный период (не позднее 10 000 лет назад) достигли арктического побережья Фенноскандии [Шумкин, 1986: 15–33; Shumkin, 2006: 301–312]. Возможно, был и второй поток уже восточноевропейского населения (рис. 4), предпочитавшего пластинчатую технику раскалывания, который достиг Кольского полуострова и северной Финляндии с юга и юго-востока [Rankama, Kankanaa, 2014: 147–159].

Судя по расположению памятников, основой существования первопроходцев было морское собирательство и охота в прибрежной зоне, на литоральных, дополняемые охотой на сухопутных животных. Орудия изготавливались в основном из местного кварца и кремненных пород. Кро-

ме чумов, использовались небольшие, слабо углубленные жилища.

Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыбаков, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры, но тем не менее сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом шлифовки линий петроглифы этого времени и несколько более поздние писаницы (рис. 2). Мезолитические памятники Лапландии большинство специалистов традиционно связывают с культурой комса.

Определенное, более ускоренное развитие начинается с благоприятными изменениями климатических условий (атлантический оптимум), позволившее к началу неолита (около 6,5 тыс. лет назад) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий. Начинается широкое применение шлифованных изделий из сланца, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства. Появляются многочисленные групповые и общеплеменные центры наскаль-

Рис 3. Петроглифы Канозера. Группа Каменный 7. Прорисовка с выделением (черным) зимней охоты лыжника с копьем на медведя

ного творчества (рис. 3), выполнявшие, видимо, роль святилищ и мест традиционных встреч родственных популяций. Все более существенными становятся признаки начала активного морского зверобойного промысла. Эти изменения оказывали, наряду с природными и социальными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местное население.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2,5 тыс. лет назад), когда на побережье Северной Фенноскандии складывается яркая культура специализированных морских охотников и рыбаков. Возникают многочисленные постоянные поселения с долговременными жилищами типа грессбаккен (рис. 4), расположенными вдоль древней береговой линии. Для этого периода (конец неолита и эпоха раннего металла) известны поселения, на которых сохранилась органика. Помимо каменных, присутствуют костяные и роговые орудия, гарпуны (в том числе поворотные), остроги, рыболовные крючки, кинжалы, наконечники стрел и изделия неутилитарного назначения. Среди кухонных отходов до 90 % кости морских животных (тюленей, моржей, китообразных). Немало костей морских рыб семейства тресковых. Долговременные углубленные зимние жилища этого периода представляли собой довольно сложные сооружения, в которых могло проживать 10–20 человек.

Таким образом, население самой северной окраины Европы, начиная с эпохи мезолита, по-

Рис 4. Раскопки жилища типа грессбаккен на берегу Дроздовской гуты Нокуевского залива Баренцева моря. 2 тыс. до н.э.

степенно вырабатывает комплекс культурных адаптаций, позволяющий в рамках присваивающего хозяйства вести оседлый образ жизни в суровых арктических условиях. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво процветать и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углубленных жилищ. Умение изготавливать деревянные лодки, документально подтверждается присутствием изображений лодок (рис. 3) в многочисленных сюжетах петроглифов Канозера [Колпаков, Шумкин, 2012].

Все это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно поворотных гарпунов) обеспечивало постоянный достаток и даже изобилие продуктов жизнеобеспечения охотникам на морского зверя [Shumkin, 1992: 146–150]. Если рассма-

тривать проблему с точки зрения исторических реконструкций по археологическим данным, то не вызывает сомнений, что с мезолита на этой территории идет непрерывное развитие местной адаптационной модели древними коллективами. Таким образом, возможность крупных миграций в Северную Фенноскандию после первоначального заселения выглядит маловероятной. Правда, некоторые эпохальные инновации (внедрение керамики, металл) приходят с южных территорий, но это можно объяснить заимствованиями.

Особое место в археологии Лапландии занимает уникальный для всей Евразийской Арктики эпохи раннего металла (середина II тыс. до н. э.) Кольский Оленеостровский могильник (КОМ) на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Немногочисленные другие находки погребений этого времени ничего не могут добавить к выводам, имеющим своим источником этот могильник, обладающий редчайшей для Севера сохранностью органических материалов, которая вызвана тем, что погребения были совершены в песчаном грунте с обильной примесью морских раковин и еще в древности перекрыты слоем торфа. В 1925 г. географами С.Ф. Егоровым и Г.Д. Рихтером было обнаружено здесь два разрушенных погребения. В 1928 г. проведены первые раскопки отрядом Кольской экспедиции АН СССР под руководством А.В. Шмидта, исследовавшим 11 погребений [Шмидт, 1930: 119–169]. Значительная часть могильника была разрушена карьером середины 30-х гг. при постройке оборонительных сооружений базы Северного флота. В ходе этих работ военным инженером (техник-лейтенант) А.В. Ципленковым был собран археологический и антропологический материал из примерно 25 погребений, а 4 предмета были им переданы в АН СССР (ныне хранятся в Кунсткамере). Судьба остальной коллекции до сих пор неизвестна. В 1947–48 гг. Н.Н. Гуриной было вскрыто еще 10 погребений. В 2000–2004 гг. Кольской археологической экспедицией (КАЭ ИИМК РАН) под руководством В.Я. Шумкина [Колпаков, Мурашкин, Хартанович, Шумкин, 2019] было раскопано 9 погребений, из которых некоторые были коллективными, до 6 костяков (всего 22 погребенных). Погребения представляли собой в основном трупоположения (всего

3 неполных сожжения за все годы раскопок), вытянутые на спине, головой на восток и северо-восток, помещались в могильные прямоугольные или овальные в плане ямы глубиной до 0,5 м от древней поверхности (до 1 м от современной). Отмечены каменные обкладки разной конфигурации на древней дневной поверхности. Нередко также камни укладывались в ногах и за головой погребенных. Результаты наших раскопок доставили принципиально новую информацию и качественно расширили возможности судить о погребальной практике, применявшейся на Большом Оленьем острове в эпоху раннего металла (рис. 5).

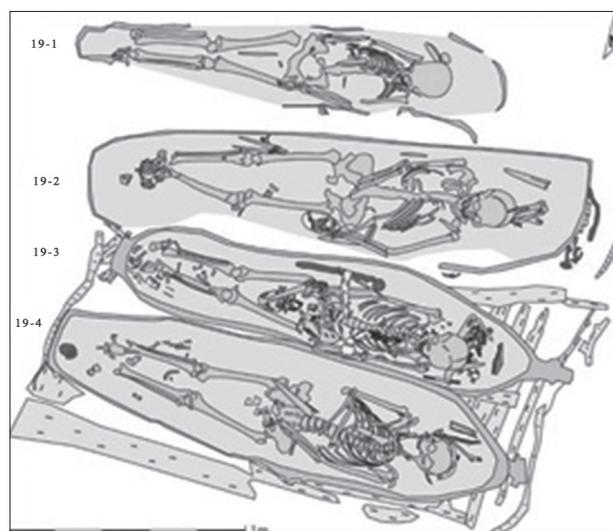

Рис 5. Коллективное погребение (№ 19, 1-4), КОМ. 2 тыс. до н.э.

Большинство погребенных помещено в своеобразные гробовища – лодки-кережки, закрытые деревянными крышками. Стыки между бортами и крышками густо просмолены. Судя по остаткам, корпуса лодок были сделаны из тонких деревянных досок, имели шпангоуты. Для двух детских погребений, видимо, были специально изготовлены маленькие лодки-кережки. Вероятнее всего, лодки-гробовища были специально изготовлены для погребальной процедуры по технологии производства настоящих лодок. Помимо уникальной по сохранности большой палеоантропологической коллекции, представлены многочисленные погребальные дары сородичей как утилитарного, так и художественно-культового характера, выполненные из камня рога и кости (кинжалы, наконечники стрел и

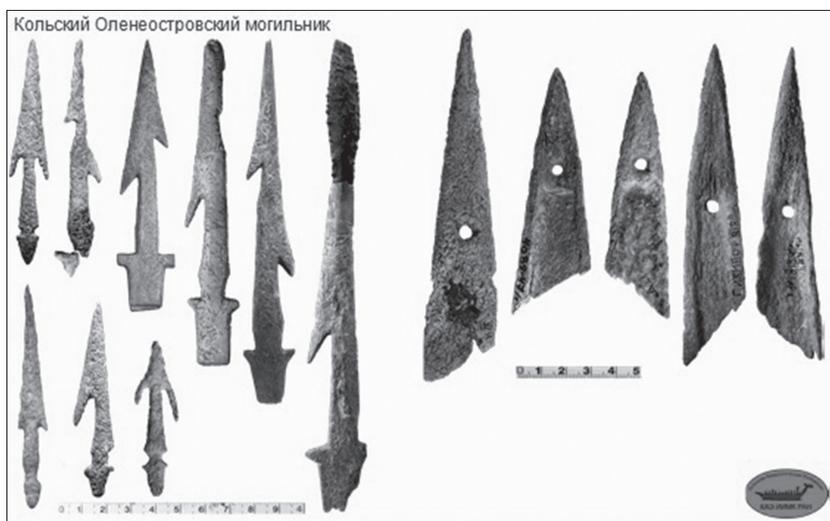

Рис 6. Наконечники (кость, рог) гарпунов.

КОМ, 2 тыс. до н.э. Слева простые зубчатые (один из них, самый правый, с уже вставленным каменным наконечником), справа – все поворотного типа

дротиков, долота, тесла, крючки рыболовные, гарпуны зубчатые и поворотные (рис. 6), иглы, игольники, накладки из резцов бобра, втулки, острия разные, заколки, наворачия с головой оленя, так называемые колотушки бубна, гребни, подвески и другие украшения), а также керамика, абразивы из пемзы, раковины, остатки поминальной трапезы.

По результатам наших раскопок можно говорить о различиях в инвентаре между мужскими и женскими погребениями. Только в мужских имеются пары двузубых костяных наконечников дротиков, гарпуны любых типов, рыболовные крючки, выпрямители древков стрел из пемзы, заколки с зубчатой головкой. Только в женских – створки раковин *Unio*, челюсти оленей, четырехзубые гребни.

Можно предположить, что оленеостровцы были сравнительно небольшой пришлой группой. Однако этому противоречит отсутствие типологических различий между погребальным инвентарем Кольского Оленеостровского могильника и комплексами артефактов со стоянок и поселений Арктического побережья эпохи раннего металла.

На некоторую связь материальной культуры (рогожный орнамент) обратил внимание еще в середине прошлого века археолог А.П. Окладников [Окладников, 1951: 151–166]. Более определенно по этому поводу высказывался Л.П. Хлобыстин: «продвигаясь по привычному экологическому коридору тундры и лесотундры,

ограниченному побережью Северного Ледовитого океана и тайгой, в обход основной территории, на которой происходило формирование финно-угро-самодийской общности, эти люди по мере своего продвижения вступали в контакты с различными аборигенными этносами и постепенно растворялись в среде местного населения» [Хлобыстин, 1998: 102].

Во многих своих работах автор статьи [например, Шумкин, 1986: 112; 1990: 10–15; Shumkin 1990: 3–20] также неоднократно приводил и акцентировал археологические свидетельства возможного проникновения около 3–4 тыс. лет назад крайне малочисленных групп пришельцев скорее всего восточного происхождения, которые, как мы считаем, не могли серьезно повлиять на достаточно развитые сообщества лапландцев, тем более изменить их облик, быт и традиции. Они должны были быстро ассимилироваться, оставив единичные следы в культуре, возможно, в генофонде. Предположения основывались на одновременности появления и неутилитарности некоторых модификаций:

1) присутствие в некоторых памятниках (от Большеземельской тундры до Северной Финляндии, но особенно важно, что в том числе и в Кольском Оленеостровском могильнике) фрагментов вафельной керамики, которая близка сосудам ымыяхтахской культуры, выглядит инородной и не имеет местного типологического развития (рис. 7);

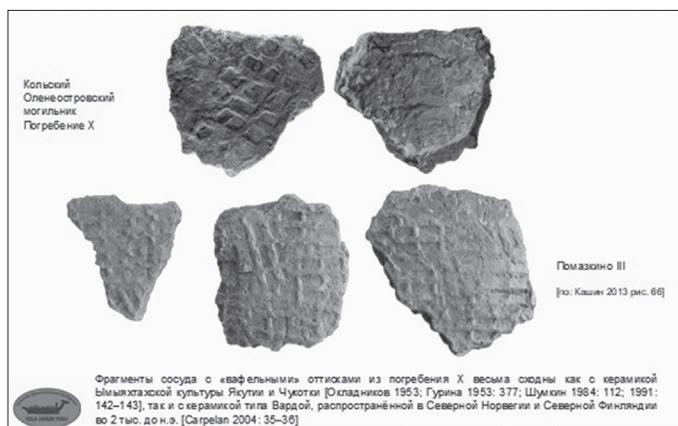

Рис 7. Вафельная ымяхтахская керамика погребения X КОМ. Фонды МАЭ РАН (верхний ряд). Вафельная ымяхтахская керамика поселения Помазкино III (нижний ряд)

2) новые сакральные представления, в частности, единичные инновации в наскальном творчестве;

3) отдельные элементы, как считают, шаманской атрибутики у местных колдунов-нойдов.

Все это скорее не следствие заимствований или конвергенции, а результаты непосредственного присутствия носителей новшеств на древней земле Северной Фенноскандии. Но оказывается, все происходило более серьезно и основательно.

Изучение всей краниологической серии (1928; 1946–48; 2000–2004 годы раскопок) погребенных в Кольском Оленеостровском могильнике, квалифицированно проведенное известным специалистом-антропологом В.И. Хартановичем (МАЭ РАН–Кунсткамера), начатое со стадии постоянного присутствия в полевых работах на могильнике (при участии С.В. Васильева и С.Б. Боруцкой) и продолженное в лаборатор-

ных условиях с применением самых передовых методов и методик, дает, помимо определения пола и возраста погребенных, неоценимые свидетельства их прижизненного физического состояния [Васильев, Боруцкая, Галлеев, Шумкин, 2016: 77–87] и свидетельствует о крайне специфическом антропологическом облике оленеостровцев. Выяснилось, что антропологические и генетические особенности (ДНК) погребенных в Кольском Оленеостровском могильнике (3,5 тыс. лет назад) не находят прямых аналогий в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп, и поэтому древние оленеостровцы не могут быть их предками, проявляя при этом тенденцию к сближению с представителями так называемой уральской расы (рис 8–10), проживающими сейчас за Уральским хребтом [Моисеев, Хартанович, 2012: 145–154; Clio Der Sarkissian, et al, 2013: 174–181].

Рис 8. Краниология. Положение 39 древних групп лесной зоны Восточной Европы, Северной Европы и континентальной Азии. В пространстве первых двух канонических векторов. По В.И. Хартановичу (МАЭ РАН–Кунсткамера)

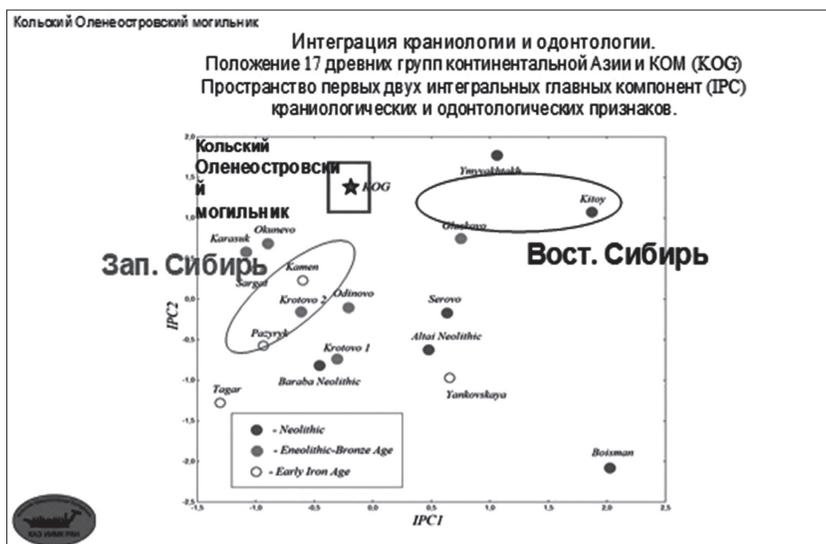

Рис 9. Интеграция краниологии и одонтологии. Положение 17 древних групп континентальной Азии и Кольского Оленеостровского могильника. Пространство первых двух интегральных компонент (IPC) краниологических и одонтологических признаков. По В.И. Хартановичу (МАЭ РАН–Кунсткамера)

Рис 10. Краниология, одонтология, палеогенетика. Интегрированные результаты. Наибольшее сходство древних и современных групп. По В.И. Хартановичу (МАЭ РАН–Кунсткамера)

IV. Обсуждение. Со времени первых раскопок Кольского Оленеостровского могильника в 1928 г. велись постоянные дискуссии по поводу этнической принадлежности погребенных там людей. С.Д. Сеницын писал, что они близки [Сеницын, 1930: 182] к современному лопарскому (саамскому) населению. П.П. Якимов после продолжения раскопок этого могильника, напротив, подчеркивал неидентичность олене-

островцев с саамами [Якимов, 1953: 463]. Дискуссии продолжались и позднее [Моисеев, Хартанович, 2012: 145–154], причем диапазон мнений все время расширялся.

Такая разность позиций объясняется в основном отсутствием в то время статистически значимых древних краниологических материалов. Раскопки 2000–2004 гг. КолАЭ РАН восполнили эту недостаку, а усовершенствованные

антропологические методики совместно с проведенным в лаборатории Университета Аделаиды (Австралия) анализом митохондриальной ДНК, выделенной из костного материала серии Кольского Оленеостровского могильника, полностью подтвердили зауральские (сибирские) связи «оленеостровцев», выявленные на основе анализа краниометрических показателей [Clio Der Sarkissian et al., 2013].

Современные антропологические и палеогенетические данные показывают, что у погребенных в КОМ оленеостровцев присутствует как минимум два компонента, ни один из которых не проявляет сходства ни с верхнепалеолитическими и мезолитическими популяциями Западной Европы, ни с современными саамами. Один из них – западносибирский – находит ближайшие аналогии в населении юга западной Сибири, начиная с эпохи неолита и до современных угрозычных народов (уральская раса). Аналогии второму компоненту присутствуют у древнего населения Северо-Восточной Сибири в погребениях Ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1980].

По археологическим данным определить время и место смешения этих компонентов пока не представляется возможным, как и территорию распространения в Фенноскандии подобных антропологических комплексов. Вместе с тем доказана преемственность развития материальной и духовной культуры первооселенцев (на протяжении 8 тыс. лет), которые изначально являлись западноевропейским, финально-палеолитическим (аренбургская культура) населением и, возможно, второй волной уже восточно-европейских мезолитических (бутовская культура) коллективов, постепенно выработавших атрибуты сложной практики специализированных охотников на морского зверя и собственные специфические мировоззренческие представления. Как могли они передать эти навыки пришлым сибирякам, не смешавшись с ними, ведь по всем параметрам погребенные в Кольском Оленеостровском могильнике были, без сомнения, именно специализированными охотниками на морского зверя? Выработать такую практику пришельцы сами явно не могли даже во время длительного продвижения из мест раннего обитания на востоке, поскольку и на их родине, и на побережье восточных арктических морей вплоть до Чукотки в то время не было таких

специализированных морских сообществ, да и весь орудийный комплекс оленеостровцев не отличается от уже существовавшего у более древнего населения прибрежной Лапландии.

V. Заключение. Возникла амбивалентность в наших знаниях, которую еще предстоит разрешить сообществу, вероятно, в процессе комплексных исследований представителями гуманитарных и естественных дисциплин. Постановка в эпиграф только третьей и четвертой строк знаменитого стихотворного шедевра Д.Р. Киплинга, сделана намеренно, так как обычно цитируемые первые строки не только ошибочны по своей сути, но и противоречат двум последующим, да и, пожалуй, всему дальнейшему поэтическому повествованию.

Сокращения

ИИАК – Известия Императорской археологической комиссии

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

РГПУ – Российский государственный педагогический университет

Список литературы:

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Галеев Р.М., Шумкин В.Я. Антропологическая реконструкция индивида из неординарного погребения Кольского Оленеостровского могильника // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 15. С. 77–90.

Земляков Б.Ф. Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология. 1940. Вып. V. М.-Л. С. 107–144.

Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник: 1925–2013. СПб.; Вологда: Древности Севера, 2019. 480 с.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 425 с.

Моисеев В.Г., Хартанович В.И. Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1(49). С. 145–154.

Окладников А.П. Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы // Ученые записки ЛГУ. 1951. № 157. С. 151–166.

Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении восьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под началом флота капитана Беллингса с 1793 по 1795 год. СПб., 1802. Ч.1. С. 95–96.

Синицын С.Д. Костные останки человека в раскопках А.В. Шмидта // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л.: Изд-во Академии наук, 1930. С. 181–183.

Спицын А.А. Северные лабиринты // ИИАК. Вып. 6. СПб., 1904. С. 101–112.

Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980. 224 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2006. С. 200–202.

Хлобыстин Л.П. 200 лет Арктической археологии // КСИА. Вып. 200. М., 1988. С. 3–8.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб., 1998. 340 с.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л.: Изд-во Академии наук, 1930. С. 119–169.

Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. 1986. № 2. С. 15–34.

Шумкин В.Я. Западные и восточные традиции культуры аборигенного населения Северной Фенноскандии // *Uralo-Indogermanika*. Ч. 2. М., 1990. С. 10–15.

Якимов В.П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом оленьем острове (Баренцево море) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1953. С. 448–485.

Baer E. Uiber labyrinth-formige Steinsetzungen in russischen Norden. Bulletin de la classe historico-philologique de L'Academie des sciences de S. Peterbourg. 1884. Vol. I. Pp. 70-79.

Clio Der Sarkissian, Oleg Balanovsky, Guido Brandt, Valery Khartanovich, Alexandr Buzhilova, Sergey Koshel, Valery Zaporozhchenko, Detlef Gronenborn, Vyacheslav Moiseyev, Eugen Kolpakov, Vladimir Shumkin, Kurt W. Alt, Elena Balanovska, Alan Cooper. Wolfgang Haak, the Genographic Consortium. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberian the Complex Human Population History of North East Europe. PLOS Genetics, 2013. Vol. 9. Issue 2. Pp. 174-181.

Nummedal A. Stone age finds in Finnmark. Aschehoug & Co. Oslo, 1929. 100 p.

Rankama T., Kankanpaa J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland. Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F. Tallavaara M. BAR International Series 2599. Oxford, 2014. Pp. 147–159.

Shumkin V.Y. Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula. Fenno-ugri et slavi. Helsinki, 1992. Pp. 146-150.

Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View. Acta Borealia. 1990. № 2. Pp. 3-20.

Shumkin V.Y. Initial colonization of the Arctic zone. Human Palaeontology and Prehistory. France Academie des sciences. Paris, 2006. Pp. 301-312.

Zvelibil M. Innovating hunter-gathers: the Mesolithic in the Baltic. Eds. G. Bailey, P. Spikins. In: Mesolithic Europe. Cambridge: Cambridge Press, 2008. Pp. 18-59. Fig. 2.

References:

Baer E. Uiber labyrinth-formige Steinsetzungen in russischen Norden. Bulletin de la classe historico-philologique de L'Academie des sciences de S. Peterbourg. 1884. Vol. I. Pp. 70-79. (In English)

Clio Der Sarkissian, Oleg Balanovsky, Guido Brandt, Valery Khartanovich, Alexandr Buzhilova, Sergey Koshel, Valery Zaporozhchenko, Detlef Gronenborn, Vyacheslav Moiseyev, Eugen Kolpakov, Vladimir Shumkin, Kurt W. Alt, Elena Balanovska, Alan Cooper. Wolfgang Haak, the Genographic Consortium. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberian the Complex Human Population History of North East Europe. PLOS Genetics, 2013. Vol. 9. Issue 2. Pp. 174-181. (In English)

Fedosееva S.A. *Ymyyakhhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoi Azii* [Ymyyakhhtakh culture of North-east Asia]. Novosibirsk, 1980. 224 p. (In Russian)

Formozov A.A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian archaeologists in the period of totalitarianism. Historiographical essays]. Moscow, 2006. Pp. 200-202. (In Russian)

Khlobystin L.P. *Drevnyaya istoriya Taimyrskogo Zapolyar'ya* [Ancient history of the Taimyr Polar region]. St. Petersburg, 1998. 340 p. (In Russian)

Khlobystin L.P. 200 let Arkticheskoi arkheologii [200 years of Arctic archeology]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology]. Release 200. Moscow, 2000. Pp. 3-8. (In Russian)

Kolpakov E.M., Murashkin A.I., Khartanovich V.I., Shumkin V.Ya. *Kol'skii Oleneostrovskii mogil'nik: 1925–2013* [Kola Oleneostrovsky burial ground: 1925-2013]. St. Petersburg, Vologda: Antiquities of the North, 2019. 480 p. (In Russian)

- Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya. *Petroglify Kanozera* [Petroglyphs of Kanozera]. St. Petersburg: The Art of Russia, 2012. 425 p. (In Russian)
- Moiseev V.G., Khartanovich V. I. Kraniologicheskie materialy iz mogil'nika epokhi rannego metalla na Bol'shom Olen'em ostrove Barentseva morya [Craniological materials from the burial ground of the early metal age on the Big Deer Island of the Barents Sea]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2012. №1 (49). Pp. 145-154. (In Russian)
- Nummedal A. *Stone Age finds in Finnmark. Aschehoug & Co.* Oslo, 1929. 100 p. (In English)
- Okladnikov A.P. Drevnie kul'turnye svyazi mezhdru arkticheskimi plemenami Azii i Evropy [Ancient cultural ties between the Arctic tribes of Asia and Europe]. *Uchenie zapiski Leningradskogo universiteta* [Scientific Notes of the Leningrad University]. 1951. №157. Pp. 151-166 (In Russian)
- Rankama T., Kankanpaa J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland. Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F. Tallavaara M. BAR International Series 2599. Oxford, 2014. Pp. 147–159. (In English)
- Sarychev G.A. *Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po severo-vostochnoi chasti Sibiri, ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu v prodolzhenii os'mi let pri geograficheskoi i astronomicheskoi morskoi ekspeditsii, byvshei pod nachalom flota kapitana Bellingsa s 1793 po 1795 god* [The voyage of Captain Sarychev's fleet through the north-eastern part of Siberia, the Arctic Sea and the Eastern Ocean in the course of axes of years during the geographical and astronomical marine expedition, which was under the command of Captain Bellings' fleet, from 1793 to 1795. St. Petersburg]. St. Petersburg: 1802. Part 1. Pp. 95-96. (In Russian)
- Schmidt A.V. Drevnii mogil'nik na Kol'skom zalive [The ancient burial ground on the Kola Bay.] *Kol'skii sbornik. Trudy antropologo-etnograficheskogo otryada Kol'skoi ekspeditsii. Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy* [Kola Collection. The works of the anthropological and ethnographic detachment of the Kola expedition. Materials of the Expedition Research Commission]. Release 23. Leningrad: Publ. of the Academy of Sciences, 1930. Pp. 119-169. (In Russian)
- Shumkin V.Ya. Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula. Fenno-ugri et slavi. Helsinki, 1992. Pp. 146-150. (In English)
- Shumkin V.Ya. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View. *Acta Borealia*. 1990. № 2. Pp. 3-20. (In English)
- Shumkin V.Ya. Mezolit Kol'skogo poluoostrova [Mesolithic of the Kola Peninsula]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. Moscow, 1986. № 2. Pp.15-34 (In Russian)
- Shumkin V.Ya. Zapadnye i vostochnye traditsii kul'tury aborigennogo naseleniya Severnoi Fennoskandii [Western and Eastern traditions of the culture of the Aboriginal population of North Fennoscandia] // *Uralo-Indogermanika*. Part 2. Moscow, 1990. Pp. 10–15. (In Russian)
- Shumkin V.Ya. Initial colonization of the Arctic zone. *Human Palaeontology and Prehistory*. France Academie des sciences. Paris, 2006. Pp. 301–312. (In English)
- Sinitin S.D. Kostnye ostanki cheloveka v raskopkakh A.V. Shmidta [Bone remains of a man in the excavations of A.V. Schmidt]. *Kol'skii sbornik. Trudy antropologo-etnograficheskogo otryada Kol'skoi ekspeditsii. Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy* [Kolsky collection. Proceedings of the anthropological and ethnographic detachment of the Kola expedition. Materials of the Expeditionary Research Commission]. Release 23. Leningrad: Academy of Sciences Publ., 1930. Pp. 181-183. (In Russian)
- Spitsin A.A. Severnye labirinty [Northern labyrinths]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission]. Release 6. St. Petersburg: 1904 Pp. 101-112. (In Russian)
- Vasil'ev S.V., Borutskaya S.B., Galeev R.M., Shumkin V.Ya. Antropologicheskaya rekonstruktsiya individa iz neordinarnogo pogrebeniya Kol'skogo Oleneostrovskogo mogil'nika [Anthropological reconstruction of an individual from an extraordinary burial of the Kola Oleneostrovsky burial ground]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Irkutsk State University]. 2016. Volume 15. Pp. 77-90. (In Russian)
- Yakimov V.P. Antropologicheskaya kharakteristika kostyakov iz pogrebenii na Bol'shom Olen'em ostrove (Barentsevo more) [Anthropological characteristics of bones from burials on the Bolshoy Oleny Island (Barents Sea)]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow; Leningrad, 1953. Pp. 448-485. (In Russian)
- Zemlyakov B.F. Arkticheskii paleolit na severe SSSR. [Arctic Paleolithic in the North of the USSR]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. Volume V. M.-L., 1940. Pp. 107-114. (In Russian)
- Zvelibil M. Innovating hunter-gathers: the Mesolithic in the Baltic. Eds. G. Bailey, P. Spikins. In: *Mesolithic Europe*. Cambridge: Cambridge Press, 2008. Pp. 18-59. Fig. 2. (In English)

V.Ya. Shumkin

The Establishing Contacts Problem of the Ancient Population Arctic Eurasia (Siberia - Fennoscandia) According to Archaeological, Anthropological and Paleogenetic Data

Scientific novelty. For the first time, data on anthropological and genetic research of mutually complementary materials from archaeological, anthropological and paleogenetic sources are introduced into scientific circulation.

The aim of the article is based on the analysis of all available materials to reconstruct the cultural and economic ties of the ancient population. To achieve this goal, it is necessary to study old and systematize new data by modern archaeology, anthropology and biology. Publication of new materials obtained during the research of the Kola Expedition (KolAE) of the IHMC RAS in recent years and consideration of the historical background of the formation the development of Arctic archaeology and the achievements of its creators, thanks to whose efforts modern science continuing the vector of its predecessors in traditional cooperation with representatives of natural science disciplines, reaches a new level.

Research methods. During the field work and the preparation of scientific reporting documentation the most modern methods were used: conducting measurements and fixing finds, structures and complexes *in situ* strictly by layers with electronic total stations in the three-dimensional coordinate system of Pulkovo-42 and the Baltic altitude system. The entire excavation process was constantly photographed with digital cameras with maximum resolution. All complex analyses and sample processing are performed later in St. Petersburg in the laboratories of the IHMC RAS, the State Hermitage Museum RSPU. The age and cultural affiliation of the identified material was established on the basis of methods of comparative typological comparison with already known finds and according to the level of its technical and typological characteristics and methods of natural sciences. Collaboration with anthropologists and biologists since excavation allowed us to obtain high-quality sources and ensure correct attribution of archaeological material which contributed to the success of developments in craniology and in the field of paleoDNA. In the course of a complex of field, cabinet and laboratory studies qualitatively new integrated data on the history of the ancient population of the Arctic were obtained.

Results. After long-term studies of several generations of domestic and foreign archaeologists it was established that Arctic Europe (Northern Fennoscandia including the northern territories of Norway, Sweden, Finland and the Kola Peninsula of Russia) were first settled no later than 10 thousand years ago (Mesolithic) from the southwest by the heirs of the Arensburg Late Paleolithic archaeological culture who originally penetrated to the south of the Swedish peninsula of Skone and then moving north along the edge of the west coast already freed from the glacier, thanks to the Gulf Stream. The previously postulated use of water vehicles on this route by small communities (called the Komsa culture), based on the very early settlement of islands far from the mainland and even in the non-freezing waters of these northern seas has recently received factual confirmation by the discovery on the rocks in Northern Norway) of the image of a large boat of the sea dating back about 10 thousand years go back. Presumably there was some infiltration from the southwest by the heirs of the Butovo archaeological culture. In the Neolithic Era (6.5-4 thousand years ago) the development of local populations called the Lapland archaeological culture which judging by the place of initial dislocation had a Caucasoid genotype occurred relatively isolated mastering the seaside adaptation model which turned them into specialized hunters of sea animals by the end of this period. During the excavations of the Kola Oleneostrovsky burial ground (3.5 thousand years ago) using new methods of analysis it turned out that the anthropological and genetic features (DNA) of the buried do not find direct analogies in the modern population of the Northern Fennoscandia. They radically differ in characteristics both from the Neolithic Laplanders and from the Saami groups, and therefore the ancient Oleneostrovians cannot be either descendants of the former or ancestors of the latter, while showing a tendency to approach representatives of the so-called Ural race living now in the north of Western Siberia.

Keywords: archaeological cultures: Arensburg, Butovskaya, Komsa, Lapland, Ymyyakhtakh; oleneostrovtsy, Ural race